

Мэгги Нельсон

КРАСНЫЕ ЧАСТИ

автобиография
одного суда

No Kidding Press

Мэгги Нельсон

Красные части.
Автобиография одного суда

«ВЕБКНИГА»

2007

Нельсон М.

Красные части. Автобиография одного суда / М. Нельсон — «ВЕБКНИГА», 2007

ISBN 978-5-6045961-3-5

В 1969 году Джейн Миксер, студентка школы права Мичиганского университета, собиралась в родной город на весенние каникулы и разместила объявление о поиске попутчиков. До дома она так и не добралась: на следующий день ее тело нашли в нескольких милях от кампуса. «Красные части: автобиография одного суда» – книга Мэгги Нельсон об убийстве ее тети Джейн и о состоявшемся спустя тридцать пять лет судебном процессе. После того как совпадение ДНК указало на нового подозреваемого, дело, в течение десятилетий остававшееся нераскрытым, было возобновлено. Нельсон, принявшая участие в судебном процессе, обращается к теме человеческой одержимости насилием. Фиксируя не только хронику суда, но и происходящее внутри нее – ужас, горе, скептицизм, растерянность, – с репортерской, дидионовской тщательностью, она создает самобытный литературный текст беспощадной нравственной точности.

ISBN 978-5-6045961-3-5

© Нельсон М., 2007

© ВЕБКНИГА, 2007

Содержание

Предисловие к изданию в мягкой обложке	6
Заскок на убийстве	7
Наследство	12
Личина зла	15
Прямая трансляция	18
Красные части	21
Приложение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мэгги Нельсон

Красные части.

Автобиография одного суда

Maggie Nelson
THE RED PARTS
autobiography of a trial

The Red Parts
Copyright © 2007 by Maggie Nelson
All rights reserved.

© Анастасия Каркачёва, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

* * *

Жанр этой книги – мемуары, что означает, что она опирается на мои воспоминания о событиях, которые представлены главным образом в моей личной интерпретации и, в особо оговоренных случаях, творчески воссозданы заново. Разговоры и другие события воссозданы, чтобы передать суть сказанного или случившегося, но не претендуют на точность воспроизведения.

*Кристине Кросби и Дженет Джейкобсен, которые шагают в огонь
на благо этого мира*

*Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не
узнали бы.*
Лк 12:2

*Уже в каждом стремлении к познанию есть капля
жестокости¹.*
Нищие

¹ Нищие Ф. По ту сторону добра и зла. Пер. с нем. Н. Полилова. – Здесь и далее приводятся примечания переводчицы.

Предисловие к изданию в мягкой обложке

В начале тоненькой, но тяжелейшей книги «Нет желаний – нет счастья», которую Петер Хандке написал спустя два месяца после самоубийства его матери, есть такие слова: «Прошло уже почти полтора месяца с тех пор, как умерла моя мать, и мне хочется засесть за работу прежде, чем горячее желание написать о ней, овладевшее мной на похоронах, остынет и вновь обратится в тупое оцепенение, с которым я реагировал на известие о ее самоубийстве. Да, скорее засесть за работу... Я занимаюсь литературным трудом, как обычно, отчуждаюсь, превращаюсь в машину, которая вспоминает и выражает определенные мысли»².

Когда в 2005 году дело об убийстве моей тети Джейн было возобновлено, я обнаружила себя в удивительно похожем настроении, пусть это событие и не так разрушительно для психики, как самоубийство матери. Суд над подозреваемым состоялся в июле 2005 года; походив на заседания, я почувствовала сильное желание зафиксировать все детали прежде, чем меня поглотит тревога, горе, беспомощность или ужас, преобразовать себя или свой материал в эстетический объект, который составил бы партию, пришел на смену или воспрепятствовал унылой немоте, не позволяющей ни вспоминать, ни выражать. И вот. После суда, *nel mezzo del camin*³, я обосновалась в совершенно чужом городе (Лос-Анджелесе) и записала свою версию этой истории, пребывая в распаленном, сосредоточенном и порой отчаянном состоянии ума. Книга «Нет желаний – нет счастья» всё это время лежала на моем столе как стимул и ориентир. *Да, скорее засесть за работу...*

Как сказываются годы и даже десятилетия на тексте, который был задуман как свидетельство о беспокойных, суровых и спешных обстоятельствах его сочинения и публикации? Что касается книги Хандке, ее воздействие ничуть не менее разительно, однако время добавило ей зловещести, как зловещая жгучая душевная нужда, прекрасным призраком реющая в том безвременном пространстве, которое может создать литература. Я могу только надеяться, что что-то подобное можно сказать и об этом новом издании «Красных частей», которое принесло мне двойственный дар: возможность защитить книгу (хотя бы на время) от иного рода унылой немоты – недоступности – и вместе с тем представить книгу такой, какой, как я всегда надеялась, она однажды сможет стать, – своеобразным герметичным размышлением об отношении времени и насилия, времени и горя, наконец отвязанным от пошлых рубрик «текущие события», «тру-крайм» и даже «мемуары».

Когда я писала эту книгу, у меня была одна цель – позволить событиям судебного процесса, моего детства, убийства Джейн и самому акту письма разделить единый момент в пространстве и времени. На одной из страниц «Красных частей» это переплетение описано как место, «темный полумесяц земли, где страдание, в сущности, бессмысленно, где настоящее проваливается в прошлое без предупреждения, где нам не избежать участи, которая страшит нас больше всего, где проливные дожди вымывают из могил тела, где горе длится вечно и сила его не угасает». Я рада заметить, что категоричная безжалостность этого образа уже не так сильна для меня, по крайней мере сейчас. Но позволить себе какое-то время побыть в его хватке по-прежнему важно. С благодарностью отправляю – снова – этот полевой дневник.

*Мэгги Нельсон
Лос-Анджелес, 2015*

² Пер. с нем. И. Каринцевой.

³ [Земную жизнь] пройдя до половины (*um.*) – цитата из первого терцина «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Заскок на убийстве

У нас есть все основания полагать, что дело стремится к успешному завершению.

Так сказал детектив полиции штата Мичиган в телефонном звонке моей матери в начале ноября 2004 года. Попроцавшись с детективом, она позвонила мне и повторила сообщение.

Его слова ошеломили меня. Пока она их произносила, приходящая в мою квартиру слегка накренилась и поплыла, будто бы заигрывая с идеей превратиться в комнату кривых зеркал.

Его слова ошеломили и ее тоже. Звонок на мобильный застал ее за рулем, так что ей пришлось немедленно свернуть на обочину пыльной дороги недалеко от ее дома в Северной Калифорнии, чтобы амортизировать их удар.

Дело, о котором шла речь, касалось убийства ее младшей сестры, Джейн Миксер, в 1969 году, которое официально значилось нераскрытым последние тридцать пять лет. Детектив сказал, что он работал над ним не покладая рук последние пять, но не хотел звонить, пока не назреет арест. И вот он назрел.

Эта новость могла бы потрясти и сама по себе, но момент, в который она прозвучала, сделал ее по-настоящему зловещей.

Последние пять лет я тоже не покладая рук работала над делом моей тети, правда, в другом ключе. Я собирала материал и писала книгу стихов о ее жизни и смерти под названием «Джейн: убийство»⁴, которая теперь готовилась к публикации. Я понятия не имела, что делом Джейн кто-то занимался; моя книга была о «висяке», который полиция бросила давным-давно. Она была о том, как это – жить (а точнее, как жилось моей семье, как жилось мне) под сенью гибели родственницы, умершей, очевидно, в страхе и ужасе, но при обстоятельствах, которые навсегда останутся невыясненными, необъяснимыми.

Когда я впервые встретилась с этим детективом – детективом-сержантом Эриком Шрёдером – на предварительных слушаниях по делу подозреваемого Гэри Эрла Лейтермана 14 января 2005 года, он поприветствовал меня медвежьим объятием и словами: *Уверен, все эти годы вы думали, что занимаетесь этим делом одна.*

Да, так я и думала.

Я выросла, зная, что у моей матери была младшая сестра по имени Джейн и что ее убили, но примерно этим мои знания и ограничивались. Я знала, что Джейн умерла в двадцать три года, когда училась на первом курсе магистратуры Школы права Мичиганского университета. Я знала, что моей матери было тогда двадцать пять и что она недавно вышла замуж за моего отца. Ни моя сестра Эмили, ни я еще тогда не родились. Мы родились в Северной Калифорнии, куда наши родители переехали после смерти Джейн, – Эмили в 1971 году, я в 1973-м.

В детстве у меня было смутное чувство, что смерти других девушек как-то связаны с убийством Джейн, но я точно не знала, как. Пока однажды – мне было тринадцать, и я была дома одна – я не заметила в кабинете моей матери, куда пробралась в поисках чего-нибудь почитать, корешок книги, которую прежде не видела. Книга стояла на верхней полке, до которой я с трудом могла дотянуться, и кричащим, бульварным начертанием титула сильно выделялась среди высоколбой классической литературы, которую читала и преподавала моя мать. «Мичиганские убийства». Я влезла на стул, чтобы вытащить пухлый томик в мягкой обложке с полки.

Этот нехитрый жест по старой памяти вызвал у меня дурное предчувствие, ибо первую из множества переломанных мной в детстве костей – а именно локтевой отросток, трещина в котором потребовала восстановительной операции и нескольких недель в гипсе, – я повре-

⁴ Nelson, M. Jane: A Murder.

дила, когда пыталась вскарабкаться на полку за книгой. Это случилось в книжном магазине в Сосалито, прибрежном городке близ Сан-Франциско, где я провела первые несколько лет своей жизни. Мне было всего лишь два, но я помню разноцветного кролика на обложке той книги и помню, как отчаянно мне хотелось ее заполучить.

После этого происшествия мне начал сниться повторяющийся сон. Сон о падении – или прыжке – с крыши гаража на асфальтированный подъезд к нашему дому в Сосалито; разумеется, насмерть. Этот сон я видела, должно быть, лет с трех. Во сне толпа людей окружает мое тело, лежащее внизу у начала подъезда, точно у подножия крутого греческого амфитеатра. Трудно припомнить интонацию сна: я помню ужас от своего поступка, отрешенность, глубокую грусть и некоторый дискомфорт от созерцания того, что мое тело осматривают как труп.

На обложке «Мичиганских убийств» был изображен постер с фотографией модели, похожей на Фэрру Фосетт; угол постера «отклеивался», закрывая половину женского лица, а под ним обнаруживался инфракрасный негатив. Ее цветовое и графическое решение, а также чувство, будто рассматривая ее, я делаю что-то запретное, сразу напомнили мне о выпуске «Плейбоя» ко Дню святого Валентина 1980 года с Сюзанной Сомерс, который я ребенком подолгу изучала в отцовской уборной. Я помню, что моему отцу очень нравилась Сюзанна Сомерс.

Я открыла «Мичиганские убийства» на первой странице и прочла: *За два года в округе Уоштенно были убиты семь молодых женщин. Некоторые из убийств были настолько жестоки, что Бостонский душитель на их фоне показался бы сострадательным убийцей.*

Я нервно пролистала книгу в жадной надежде найти что-то, хоть что-нибудь, о Джейн и своей семье. Я быстро сообразила, что все имена были изменены. Но я почувствовала, что была на правильном пути, когда прочла:

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРИНЕС [НА МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ] АЛЬБОМ ВЫПУСКНИКОВ МИЧИГАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1968 ГОДА. С ЕГО СТРАНИЦ УЛЫБАЛАСЬ ЖАННА ЛИЗА ХОЛДЕР ИЗ МАСКИГОНА, ШТАТ МИЧИГАН. В ЕЕ ОБЛИКЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО ЧТО-ТО ОБЩЕЕ С РАСПУХШИМ ЛИЦОМ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ, БЕЗДЫХАННО РАСПРОСТЕРШЕЙСЯ НА КЛАДБИЩЕ ПЛЕЗАНТВЬЮ.

А у «Жанны Лизы Холдер» было что-то общее с «Джейн Луизой Миксер». Один уголок начал отклеиваться.

* * *

Несколько лет спустя, когда я с головой погрузилась в работу над «Джейн», проблема заключалась уже не в недостатке информации. А в том, что ее было слишком много. Не о самой Джейн – ее убийство, к моей ярости, оставалось покрыто мраком, – но о других девушках, чьи жестокие изнасилования и убийства были в невыносимых подробностях описаны в прессе тех лет, криминальной документалистике в мягкой обложке и на многочисленных сайтах, смакующих истории серийных убийц. Мне попадались таблицы, например, в газете «Детройт фри пресс» от 28 июля 1969 года была напечатана таблица под заголовком «Паттерны смерти: анатомия семи жестоких убийств», информация в которой была разбита по колонкам «Где жертву видели в последний раз», «Где нашли тело», «Способ убийства», «Иные повреждения» и так далее. Содержимое ячеек было практически нечитаемым.

Собирая материал, я столкнулась с напастью, которую назвала «заскоком на убийстве». Я могла целый день заниматься своим проектом с некоторой безучастностью, беспечно подглядывая в словарь рифм в поисках созвучий к словам «пуля» и «череп». Но ночью в постели меня поджидала вереница муторных сцен насилия – над Джейн, над другими мичиганскими девушками, над моими близкими, надо мной – а иногда, что самое ужасное, насилия, которое

свершается моими руками. Эти образы возникали в моем сознании нерегулярно, но каждый раз с той стремительной и хваткой силой, с которой возвращается то, что было вытеснено.

Я не сдавалась, в основном потому что у меня была финишная точка – дата публикации «Джейн», приуроченная к моему тридцать второму дню рождения в марте 2005 года. Как только книга окажется в моих руках, я стану свободна. Я смогу заняться проектами, которые никак не связаны с убийствами. Я больше не буду оглядываться назад.

Когда дело Джейн было возобновлено, эти надежды испарились.

Осенью 2004 года я переехала из Нью-Йорка, где прожила много лет, в городок в штате Коннектикут, чтобы год преподавать в местном колледже. Городок как нельзя кстати назывался Мидлтауном: посреди штата, посреди ничего. Я сняла прекрасную квартиру, занимавшую весь нижний этаж обветшалого дома XIX века; в сорок раз просторнее, чем любая квартира, которая была бы мне по карману в Нью-Йорке. Я устроила себе кабинет в приятной комнате, которую хозяйка, показывая квартиру, назвала Комнатой Раздумий. Она была отделана красным деревом, и в трех ее стенах были окна.

В начале октября, где-то за месяц до звонка Шрёдера, я отправила гранки «Джейн» своей матери на ее шестидесятилетие. Я нервничала; я знала, что книга погрузит ее в подробности истории, которую она последние тридцать пять лет пыталась оставить в прошлом. Я не просто нервничала – я была в ужасе. Подписывая на посылке ее адрес в Калифорнии, я вдруг осознала, что подарка из книги может и не выйти. Если ей не понравится, то день рождения будет испорчен. Книга-катастрофа, книга-бомба, книга-предательство.

Я вздохнула с облегчением, когда она позвонила мне, дочитав рукопись. Сквозь слезы она говорила, что навеки благодарна этой книге и мне. Она сказала, что это не иначе как чудо: хоть я и не застала Джейн, но каким-то образом сумела вернуть ее к жизни.

Для меня это тоже было чудом. Я никогда не думала, что «моя Джейн» сможет приблизиться к «настоящей Джейн», ничего подобного я и не замышляла. Но кем бы ни была «моя Джейн», со мной и для меня она была жива, по крайней мере какое-то время. Обложка книги была готова уже давно и несколько месяцев провисела у меня на стене; тринадцатилетняя Джейн день за днем глядела на меня сверху вниз с фотографии, которую сделал мой дед, андрогинная и дерзкая, в жестком свете. Книга также содержала множество дневниковых записей, которые я отобрала из архивов самой Джейн, так что, редактируя рукопись (а именно за этим занятием застал меня звонок матери тем ноябрьским днем), я старалась уделить столько же внимания голосу Джейн, сколько своему собственному.

Чтобы убедиться, что я правильно ее понимаю, я раздобыла подлинные дневники Джейн, так что той осенью мне не раз доводилось подолгу сидеть на темном паркете Комнаты Раздумий посреди целого моря листов, заполненных ее изящным почерком. Перечитывая их, я вновь поражалась той мучительной неуверенности в себе, что сквозила в каскадах риторических самокритичных вопросов и никак не вязалась с очевидной способностью Джейн мощно чувствовать и ясно формулировать. Это несоответствие проходило через все ее записи с детства и до студенческих лет. Не просто проходило, но было их двигателем. Именно оно, по сути, и вызвало у меня желание писать о ней – в той же мере, если не в большей, чем странные и чудовищные обстоятельства ее смерти.

НИКОГДА НЕ БОЙСЯ СЕБЕ ПРОТИВОРЕЧИТЬ. НО ЧЕМУ ПРОТИВОРЕЧИТЬ? МОЖЕТ, Я, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ПРОСТО ДУРА, КОТОРАЯ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТ? ДЖЕЙН, СЛАВНАЯ ТЫ МАЛЫШКА. СЛАВНАЯ? РАЗВЕ ЭТО МНЕ СУДИТЬ? КАК ПРОШЕЛ 1965 ГОД? ЧТО ПРИОБРЕТЕНО? УТРАЧЕНО? ЧТО Я ЛЮБИЛА? А НЕНАВИДЕЛА? ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ НА САМОМ ДЕЛЕ? КАК

ОБЪЯСНИТЬ, ЧТО ИМЕЕШЬ В ВИДУ? ПОЧЕМУ Я НИКОГДА НЕ ЗНАЮ, КЕМ БУДУ ЗАВТРА? КАКОЕ ПРАВО ЕСТЬ У НАС НА СЧАСТЬЕ?

Я невольно узнала в этих строках себя. Я бы лучше списала терзания вечно сомневающейся в себе Джейн на то, как нелегко было взрослеть амбициозной, пытливой и пылкой девушке в степенных патриархальных пятидесятых, от которых несколько десятилетий феминизма должны были не оставить и камня на камне к тому моменту, как мне повстречались ее слова.

А теперь еще и этот звонок детектива о том, что один образец ДНК совпал с имеющимся в деле и что они точно нашли того, кого искали – медбрата на пенсии, не имевшего ничего общего с Джоном Норманом Коллинзом, который был осужден за последнее мичиганское убийство в 1970 году и которому чаще всего приписывались и остальные. Шрёдер сказал, что за новым подозреваемым устроена слежка и что в ближайшие несколько недель его арестуют. У них были все основания полагать, что тогда дело устремится к успешному завершению.

В итоге Лейтермана взяли под стражу по обвинению в убийстве накануне Дня благодарения в 2004 году. Он пробыл в заключении без возможности выйти под залог до самого суда, который начался 11 июля 2005 года и закончился 22 июля 2005 года. Но все эти восемь месяцев ужас, который сопровождал мои первые набеги на территорию Джейн, никуда не исчезал.

Он менял очертания. Он рос.

* * *

Когда на Мидлтаун спустилась зима, солнечная комната превратилась в снежную и заскок на убийстве снова был тут как тут. По утрам я притворялась, будто умею читать лекции о Шекспире розовощеким первокурсникам, а потом возвращалась домой вести телефонные разговоры с копами из отдела убийств и перелопачивать охапку книг, которые взяла в университетской научной библиотеке, чтобы идти в ногу с прогрессом по делу Джейн: «ДНК для чайников», учебники по клинической психологии с названиями вроде «Убийство на сексуальной почве: кататимические и компульсивные убийства». Я пробежалась по случаям в «Убийстве на сексуальной почве» лишь однажды, но и этого хватило, чтобы почувствовать, будто они могут передать мне какую-то смертельную болезнь. По ночам мне часто было не уснуть – я мерила шагами Комнату Раздумий в голубом халате и с бокалом виски, в котором позвякивал лед, и смотрела, как ветер наметает за окнами угрожающие сугробы. Я становилась сама не своя, точно бесплотный дух. Не так страшно, как в «Сиянии», но иногда казалось, что недалеко и до этого. По крайней мере, падение Джека Николсона было кому засвидетельствовать и оплакать. В моменты повеселее я чувствовала себя Джоном Беррименом – поэтом-пленником готического университетского городишки, всклокоченном нечестивце от академии, который болтался по унылым вечеринкам, менял жен и время от времени наваливал кучу, в стельку пьяный, на лужайках у сослуживцев. С той разницей, что в Мидлтауне не было таких вечеринок.

Короче говоря, наивная надежда на катарсис, которая тем не менее эффективно подстегивала мою работу над «Джейн», затрещала по швам и обнаружила подвох, о котором я всё это время подозревала. Моя идентификация с тетей, легшая в основу «Джейн» и начавшаяся, по-видимому, еще с моего деда, который, сколько я себя помню, называл меня Джейн вместо Мэгги, – теперь казалась не то подлогом, не то сюжетом для хоррора. Я начинала писать «Джейн», исходя из предпосылки, что моя семья занималась вытеснением ее чудовищной смерти и горевала неправильно, и собиралась деликатно обличить этот нездоровый пережиток среднезападно-скандинавского наследия – мрачный бергмановский сценарий, разыгранный в декорациях приозерного городка Маскигон, штат Мичиган, – предложив вместо него более успешную модель.

Теперь мне предельно ясно, сколь заносчиво с моей стороны было так думать. Мысль о «неправильном» или «успешном» горевании приводит меня в недоумение. За этим недоумением пробивается мощная безликая ярость – необузданный протест, зыбкое, жаркое, бурное событие, что берет начало у меня под кожей.

Фото № 1:

Детективы кольцом окружают бесформенный куль – мертвое тело Джейн. Снимок сделан из-за проволочного забора кладбища Дентон. Граница кадра срезает фигуры мужчин на уровне пояса, так что видны только полы их плащей и черные ботинки в тон. Труп Джейн лежит у их ног, голова и торс накрыты плащом. Ее белая как мел рука простирается из-под плаща над головой, будто бы она не умерла, а просто очень, очень устала.

Наследство

В одной из своих последних психоаналитических статей Д. В. Винникотт пишет: «Страх распада – это страх уже пережитого распада». Это утверждение всегда было для меня источником великого успокоения. Много лет я считала, что оно означает, что неизбежное уже позади, что ты уже побывал в самом страшном месте и возвратился оттуда.

И только недавно я поняла, что Винникотт не имеет в виду, что распад не повторяется вновь. Теперь мне ясно, что он мог иметь в виду ровно противоположное: что именно страх распада в нашем прошлом, возможно, заставляет его повторяться в будущем.

Чтобы добраться домой в Маскигон на весенние каникулы в конце марта 1969 года, Джейн разместила объявление о поиске попутки на доске объявлений Мичиганского университета. Она собиралась объявить семье о помолвке со своим бойфрендом Филом, который преподавал экономику и, как и она сама, был активистом в университетском городке. Зная, что родители будут не в восторге, она ехала одна, чтобы дать им время сжиться с этой новостью, а Фил планировал присоединиться через несколько дней. По телефону она договорилась с водителем, который назвался вымышленным именем, о чем она, конечно, не знала. Они попрощались с Филом около 18:30 в ее комнате в общежитии; ее тело нашли следующим утром в четырнадцати милях от Энн-Арбора. Она скончалась от двух выстрелов в голову: один пришелся в левый висок, другой – в левую нижнюю часть черепа. После смерти, или по мере наступления смерти, ее зверски душили чулком, который ей не принадлежал. Ее тело затащили на одну из могил маленького сельского кладбища Дентон в конце грунтовой дороги, известной среди местных как «переулок влюбленных». Ее джемпер был задран, колготки спущены, содержимое сумки педантично разложено между ног и вокруг тела, которое затем было накрыто ее плащом и брошено.

После убийства Джейн – третьего из семи – моя мать начала беспокоиться, что может стать следующей жертвой. Когда дело повисло, она не прекращала волноваться. Каждый визит на могилу Джейн был напряженнейшим предприятием – полиция предупреждала, что убийца тоже может заявиться. Оплакивать Джейн буквально означало идти на риск встретиться с ее убийцей.

Когда я писала «Джейн», я почувствовала, что этот страх просочился и в меня. Наследство. Многолетний опыт кинозрительницы научил меня, что женщина-детектив или женщина-профессор – еще одна популярная героиня – всегда расплачивается за свое любопытство и крутизну тем, что убийца начинает охоту на нее саму. *Один человек раздражает самым одиозным убийцам в истории. Одно убийство – один почерк. Объединившись, две женщины должны предотвратить его новые преступления* – гласит синопсис фильма «Имитатор» 1995 года с Сигурни Уивер в роли алкозависимой агорафобной профессорши, изучающей серийных убийц, и Холли Хантер в роли ее напарницы, крутой бабы с яйцами.

Я пыталась извлечь крупинцы юмора из кинематографичных честолюбивых фантазий, где я обнаруживала важные улики, которые проглядели «специалисты», или читала фрагменты из «Джейн» на литературном вечере, где среди публики притаился ее убийца. Я напоминала себе, что Джейн вполне мог убить и Джон Коллинз и что даже если это был не он, то ее убийцы уже могло не быть в живых, а если и был, то он наверняка уже сидел в тюрьме за что-то еще. Ну а если он был жив и на свободе, то шансы, что он вообще наткнется на книгу стихов, хоть бы с обложки и глядело лицо моей тети, были близки к нулю. Это был один из тех редких моментов в моей жизни, когда обскурный статус поэзии в культуре меня, пожалуй, обнадеживал.

Любой грошовый психолог или коллега-писатель мог бы отметить, что угроза, которая так страшила меня в лице фантомного убийцы моей тети, равно как и затаенная надежда, что

моя книга каким-то образом заставит его материализоваться, была ничем иным, как доведенной до крайности метафорой всех шальных надежд и страхов, которые порой сопровождают сам акт письма, особенно письма о семейных историях, которые семья автора предпочла бы не трогать и не рассказывать. Некоторые, кстати, и впрямь это отмечали.

И это звучало довольно правдоподобно, пока звонок Шрёдера не разрушил метафору.

* * *

Когда «Джейн» выйдет из печати в марте 2005 года, Шрёдер пройдет по каждому стихотворению с карандашом. В переписке я уточню некоторые детали: откуда мне известно, в котором часу Джейн звонила по телефону в ночь своей смерти, где найти упомянутую мной гостевую книгу с ее похорон и так далее.

Скажу прямо, это первая книга стихов, которую я прочел в жизни, – напишет он.

Я напишу в ответ с той же прямотой, что это моя первая книга, которую исчеркал карандашом детектив из отдела убийств.

На протяжении нескольких недель до ареста Лейтермана я задавала Шрёдеру один и тот же вопрос: думает ли он, что Лейтерман представляет угрозу для меня или моей семьи. Стыдный вопрос, вытаскивающий на свет годами сдерживаемую иррациональность. Но куда неприятнее было думать о том, что человек, который наводил страх на несколько поколений нашей семьи, встает каждое утро, болтает с домочадцами и отправляется по делам, не догадываясь о своем неотвратимом аресте, пока между моей семьей и полицией штата Мичиган не утихает буря телефонных звонков. Кроме того, полиция дала мне ясно понять, что Лейтерман ни при каких обстоятельствах не должен узнать о расследовании, иначе он мог бы скрыться или причинить вред себе или кому-то другому.

Шрёдер отвечал терпеливо. Он уговаривал меня не беспокоиться; Лейтерман, мол, был таким выдавшим виды Санта-Клаусом с больным сердцем и неумным пристрастием к обезболивающим. *Скажем так, в окно он не полезет.* Он добавил, что, хотя мы с ним и не встречались, он готов поспорить, что бегаю я быстрее старикана.

Если бы несколько лет назад мою мать спросили, как убийство Джейн повлияло на воспитание двух ее дочерей, она бы сказала, что никак. В телевизионном интервью, на которое мы с матерью согласились во время суда, мать заявила привлекательной фигуристой журналистке CBS, что всегда была слишком склонна всё контролировать и потому смерть сестры не особенно сказалась на ее поведении. Осознание, что она контролировала куда меньше, чем представляла, – осознание, которое пришло к ней во время чтения «Джейн», где среди прочего задокументировано, как она годами баррикадировала двери, – ее поразило.

В равной степени мою мать поражает, что ее тело испытывает голод, хочет в туалет и реагирует на факторы среды, например, высоту над уровнем моря или температуру. Она хотела бы иметь непроницаемое, самодостаточное тело, не подверженное бесконтрольным нуждам и желаниям, ни своим, ни чужим. Она хотела бы иметь тело, которое невозможно травмировать, осквернить или покоробить, если только оно само того не пожелает.

Недавно моя мать поскользнулась на кухонной напольной плитке, пока разговаривала по телефону с моей сестрой Эмили. Она упала и прикусила верхнюю губу. Губа раздулась до неузнаваемости, а из ушибленного зуба потом пришлось удалить нерв. Сестра на другом конце провода ничего об этом не знала, потому что мать как ни в чем не бывало продолжила разговор. Когда мы с Эмили возмущаемся, что она скрыла факты, она протестует: «Ну какой смысл был тогда говорить Эмили, что я ушиблась? Она всё равно не могла мне ничем помочь и только бы зря переживала».

Она говорит, что не рассказала, потому что ей было стыдно. Я говорю, что стоило об этом рассказать хотя бы потому, что это произошло. Мы как будто пытались докричаться друг до друга с противоположных концов картонной трубки.

К тому времени, когда мы с матерью окажемся в обшитом деревянными панелями кабинете, который Мичиганский университет любезно предоставит каналу CBS для записи интервью, суд над Лейтерманом будет подходить к концу. Перед нами будут горы фруктов и печенья, а позади нас – несколько недель в суде, которые мы провели глядя на экран, куда проецировались фотографии со вскрытия тела Джейн. Я начну понимать, откуда у моей матери могла взяться фантазия о суверенном, непроницаемом «я».

Судебно-медицинский эксперт зачитал вслух описание каждой из этих фотографий на январских слушаниях. Тогда не было присяжных, поэтому изображения показывать не стали. Пока эксперт выступал, слезы непроизвольно текли у меня из глаз, и у моей сестры тоже. Но мама не плакала. Ее тело просто схлопнулось. Плечи скруглились, грудь впала, и всё тело стало похоже на пустую оболочку. Колени сотрясались в судорогах. Я хотела дотронуться до нее, но не знала, какое прикосновение могло бы ей помочь. Я попыталась легонько прижать ладонями ее дрожащие бедра, потом – положить руку ей на спину. Она не отозвалась. Было ясно, что она провалилась в мир, где нет прикосновений, где утешение невозможно.

В перерыве мы с сестрой сбежали в туалет, и Эмили сказала мне, что не может смотреть на нашу мать. Ей было невыносимо видеть, как она страдает. Я согласилась, но не стала признаваться в менее достойном чувстве. Я чувствовала гнев. Я хотела, чтобы мать выдержала натиск этих подробностей с прямой спиной. Мне было невыносимо видеть, как от слов одного человека ее тело съеживалось в тело маленькой девочки. Я хотела, чтобы она не отворачивалась, чтобы она не дрожала. Глядя, как моя прекрасная сестра моет и сушит руки и красит губы, я пыталась представить, как чувствовала бы себя, если бы фотографии ее вскрытия, а не Джейн, крутились на большом экране. На мгновение меня пронзило парализующим чувством вины, за которым поднялась волна тошноты. Это же сестра моей матери. Чего еще я ожидала?

Моя мать выглядела совершенно дико, необузданно: шляпу ее подхватило ветром и унесло в открытое море, так что голову ее украшала лишь развевающаяся седая шевелюра; черные фильдеперсовы чулки были видны до самых бедер, юбки были подоткнуты вокруг пояса, одна рука ее держала поводья поднятого на дыбы коня, другая сжимала армейский револьвер моего отца, а позади нее бурлило неукротимое, бесстрастное море – свидетель праведного гнева⁵, – пишет Анджела Картер в своем изложении мифа о Синей Бороде.

В трактовке Картер Синяя Борода не убивает свою молодую невесту. В самый ответственный момент врывается ее мать и «одним безупречным выстрелом» пробивает ему голову.

На это я надеялась?

⁵ Картер. А. Кровавая комната. Пер. с англ. О. Акимовой.

Личина зла

ОН ПРИШЕЛ ПУСТИТЬ В ДОМ ГАЗ. Я В БОЛЬШОЙ КЛЕТКЕ ДЛЯ ПТИЦ, ПРИКОВАНА К ПРУТЬЯМ. ОНА ЛЯЗГАЕТ ОБО ВСЁ, ЧТО ПОПАДАЕТСЯ МНЕ НА ПУТИ. Я ПЫТАЮСЬ ПОДНЯТЬСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ ВМЕСТЕ С КЛЕТКОЙ, НО ЭТО НЕПРОСТО. ОН ВЕЛ СЕБЯ ОЧЕНЬ ПРИВЕТЛИВО И МИЛО, КОГДА ПРИШЕЛ ПУСТИТЬ В ДОМ ГАЗ, И ВСЁ ЖЕ Я ПОНЯЛА, ЧТО ОН ХОЧЕТ МЕНЯ УБИТЬ. ОН ЯВНО ВЫЖИЛ ИЗ УМА. Я ЗАЛЯЗГАЛА К ВЫХОДУ, ПОПУТНО ЗАМЕТИВ, ЧТО ОН ЗАКЛЕИЛ СКОТЧЕМ ВСЕ ВЕНТИЛЯЦИОННЫЕ ОТВЕРСТИЯ И Т. Д. Я ВЫВАЛИЛАСЬ НА ЛУЖАЙКУ, КОТОРАЯ ОТЛОГО СПУСКАЛАСЬ В ХЛЯБЬ, К РЕКЕ. ХЛЯБЬ ВОСХИТИТЕЛЬНО ЗЕЛЕНАЯ, МОКРАЯ И СЛАВНАЯ, СОВСЕМ НАСТОЯЩАЯ. Я СРАЗУ ПОНИМАЮ, ЧТО ХЛЯБЬ МЕНЯ СПАСЕТ, ЧТО ХЛЯБЬ – ЭТО ПРОТИВОЯДИЕ ОТ СМЕРТОНОСНОГО ГАЗА. ПОЗЖЕ ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ И ДЕЛАЕТ ВИД, ЧТО НИЧУТЬ НЕ УДИВЛЕН, ЧТО Я ЕЩЕ ЖИВА, НО ОЧЕВИДНО, ЧТО ОН ДОВОЛЬНО УДИВЛЕН. Я СВЯЗЫВАЮ ЕГО ПО РУКАМ И НОГАМ И НАТЯГИВАЮ НА НЕГО ЧЕРНЫЙ МЕШОК ДЛЯ МУСОРА, ЧТОБЫ СЖЕЧЬ ЗАЖИВО. Я ДУМАЮ: ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ СОН, НО НЕУЖЕЛИ Я И ПРАВДА ПОЗВОЛЮ СЕБЕ ПОСТУПИТЬ ТАК ЖЕСТОКО? Я ЗАДУМЫВАЮСЬ НА МИНУТКУ, ЧТО МЕШОК НАВЕРНЯКА БУДЕТ ТЯЖЕЛЫМ, ВЕДЬ ОН ТАКОЙ ЗДОРОВЯК, НО ВО СНЕ ЭТО НЕ ПРОБЛЕМА. И ВОТ ОН СВЯЗАННЫЙ ЛЕЖИТ В МЕШКЕ, НЕ ИЗДАВАЯ НИ ЗВУКА. КАК БУДТО ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ.

Уже много лет мне снится, как я сталкиваюсь с леденящим кровь воплощением всего мужского насилия и власти – убийцей Джейн. Иногда он безликая тень, иногда похож на кого-то из моих знакомых. Иногда во сне появляются мои мать и сестра, и мы помогаем друг другу. Иногда мы все там, но не помогаем друг другу, потому что не можем или не хотим. Чаще всего я одна.

Если мне и грезится какой-то еще образ убийцы Джейн, то у него лицо Джона Коллинза. Молодого, только что арестованного Джона Коллинза, красивого белого мальчика и, по всей видимости, большого чаровника. Про таких говорят, *имеет успех у дамочек*.

Мы с матерью и Эмили держимся за руки, сидя плечо к плечу на скамье на январских слушаниях, и смотрим, как в зал суда шаркающей походкой входит грузный шестидесятилетний мужчина в очках и темно-зеленой тюремной робе. Лысину его окаймляет кружок седых волос, крупный нос картошкой время от времени пунцово вспыхивает. У него маленькие ошарашенные глазки и пышные усы, которые он то и дело теревит пальцами. Скованные в лодыжках ноги смиренно лежат под столом, на них черные носки и пластиковые тюремные шлепанцы коричневого цвета. Периодически он снимает очки, протирает их краешком зеленой тюремной рубахи и вновь устремляет прищуренный взгляд сквозь стекла. Когда он поворачивается, чтобы оглядеть зал, то выглядит при этом совершенно потерянным, как будто понятия не имеет, где находится.

Я тоже чувствую себя потерянно. Я рассчитывала увидеть «личину зла», но вместо этого вижу физиономию Элмера Фадда⁶.

В тот день Лейтерман долго разглядывает свои ладони, которые большую часть времени сложены домиком перед его лицом или покоятся на вздутом животе. О том, что он много лет проработал медбратом, напоминает его манера бросаться на помощь, когда кому-то в зале суда требуется надеть латексные перчатки, чтобы ознакомиться с вещественными доказатель-

⁶ Элмер Фадд – персонаж мультфильмов Looney Tunes, незадачливый охотник на Багза Банни.

ствами. Он быстро хватает коробку напудренных перчаток и, встряхнув ее, протягивает свидетелям или юристам в нужный момент или за секунду до него, предвосхищая их потребность своим профессиональным охранительным чутьем. В остальное время он практически неподвижен. Во второй половине дня густой поток солнечного света проползает по залу суда и приземляется на столе защиты. Все отодвигаются или пересаживаются, чтобы оказаться в тени, но Лейтерман не может подвинуться, он вынужден терпеть. Я смотрю, как солнце насыщает его лицо и тело, смотрю, как он тщетно пытается заслонить лицо рукой. Так же, как он инстинктивно протягивает перчатки, я чувствую порыв оградить его, заслонить от солнца своим телом или хотя бы опустить жалюзи.

Мы остаемся на своих местах; я смотрю, как свет продолжает движение.

Я смотрю на свет и на руки Лейтермана и пытаюсь представить, как они взводят курок, как они смыкаются на чьей-то шее. На шее Джейн. Я знаю, что воображать такое бессмысленно и ужасно. Интересно, как бы я себя чувствовала, если бы представляла эту сцену снова и снова, а потом узнала бы, что он этого не совершал. Я разглядываю его целый день, как будто с небес вот-вот должен снизойти знак: виновен или невиновен. Но он не снисходит.

Январские слушания были нужны для того, чтобы выложить перед судьей костяк дела: доказать, что было совершено убийство, подтвердить, что жертвой была Джейн, предоставить достаточно оснований для полноценного судебного процесса, определить, должен ли Лейтерман оставаться под стражей до суда, назначить залог или отказать в его применении и так далее. В тот день моего деда первым вызывают для дачи свидетельских показаний. Все в зале суда немного обеспокоены, когда он, пошатываясь, взбирается на место свидетеля; сломать шейку бедра сейчас было бы особенно жестоко.

За кафедрой он выглядит древним. На нем его любимый пурпурный пиджак и ярко-красный кашемировый свитер, который моя мать подарила ему на Рождество несколько недель назад. Прокурор штата Стивен Хиллер просит его рассказать суду, что он увидел в морге 21 марта 1969 года. Мой дед подается вперед и отчетливо произносит: *Мою младшую дочь*. Он всё еще выглядит потрясенным.

В конце дня мой дед заявляет, что у него есть «внутреннее чувство» насчет Лейтермана. Он заявляет об этом за ужином в ресторане «Олив Гарден», выходящем окнами на парковку возле трассы, на другой стороне которой расположился мотель, куда нас всех поселили на ночь. Он упоминает «внутреннее чувство» несколько раз, но так и не говорит, что это за чувство.

Я только хочу сказать, что он похож на измученного человека, – говорит он.

Я не ожидаю от вас сочувствия к нему, – сказал Шрёдер на следующий день после ареста Лейтермана. – *Нет, он жалкий мешок дерьма. Но он в паршивом здравии, и, на мой взгляд, его тело превратилось в развалину из-за всего, что он сделал.*

Сидя в «Олив Гарден», я задаюсь вопросом: если ты похож на измученного человека или у тебя тело-развалина, значит ли это, что ты спланировал и совершил жестокое сексуализированное убийство совершенно незнакомой женщины тридцать лет назад? Я также припоминаю, что, когда я с осторожностью расспрашивала деда, тайно собирая материал для «Джейн», он сказал, что у него есть «внутреннее чувство» насчет Джона Коллинза.

Хотя ему за девяносто, мой дед не подает признаков усталости ни от повседневного быта, ни от девяти десятков прожитых лет. Он выпивает по три ведра кофе в день, принимает горячие ванны и решает кроссворды по ночам. Сторона обвинения зовет его «доктор Дэн», что отлично ему подходит: более шестидесяти лет он был практикующим стоматологом. Он старается схватывать всё на лету, и ему это удается. И всё же я знаю, что он устает, потому что во время заседаний он часто засыпает, роняя голову на плечо кому-то из родных, кто оказывается на скамье рядом с ним. Он просыпается с встревоженным видом и тут же заверяет мертвую тишину в зале: *Я в порядке, я в порядке.*

С каждым днем, приближающим июльский суд, он будет всё больше беспокоиться, что полиция вздумает эксгумировать тело Джейн в поисках дополнительных улик. Он станет звонить моей матери поздно вечером и твердить, что не позволит этого сделать, просто не позволит.

Моя мать говорит ему не поддаваться паранойе. *Будем решать проблемы по мере их поступления,* – рассуждает она. Пока еще рановато.

Прямая трансляция

Тем январским днем Хиллер предупредил нас, что выступление судмедэксперта было всего лишь разогревом перед полным натуралистических подробностей судебным процессом, который ожидает нас летом. Перед своей вступительной речью 12 июля 2005 года он снова обратился к нам с предупреждением. Он поймал в коридоре всех присутствовавших в тот день родственников Джейн: меня, мою мать, моего деда, младшего брата Джейн и его жену – и сказал, что будет показывать присяжным фотографии со вскрытия Джейн, фотографии, которые мы, возможно, предпочли бы не видеть.

Мой дядя внимает предупреждению, говорит, что не видит причин держать эти изображения в голове, и отправляется в буфет на первом этаже здания суда.

Моя мать другого мнения. *Мы сильные*, – уверяет она Хиллера. – *Мы выдержим*. Я не вполне понимаю, за кого она говорит.

Мой дед выглядит обескураженным, он разрывается между противоположными позициями дочери и сына. Он поворачивается ко мне и спрашивает: *Как думаешь, что мне делать, детка?*

Думаю, тебе нужно делать то, что считаешь нужным, – лепечу я, прекрасно понимая, что он без понятия, что именно он считает нужным, и вряд ли сможет додуматься до этого в ближайшие пару минут, пока заполняется зал.

Он перешагивает порог, и на экране загораются слайды.

Фото № 2:

Джейн на металлической каталке. Снимок сделан в профиль, от грудины и выше. На ней ничего нет, кроме нежно-голубой повязки на голову – узкой, чуть шире ленточки. Ее медно-рыжие волосы блестят от крови. Вокруг шеи, почти как еще один модный аксессуар, как какой-то дьявольский галстук, обвивается чулок, которым ее душили; оба его конца направлены в сторону камеры. Чулок красноватого оттенка, возможно, от старости фотографии. Насколько я знаю, это был обыкновенный коричневый чулок. Чужой. «Привнесен на место происшествия», как говорят. Он впечатался в ее кожу так глубоко и так несправедливо, что выглядит нарисованным. Ее лицо, плечо и подмышка сияют, как самостоятельные источники света. Ее подмышка особенно бела и нежна, как подмышка маленькой девочки. Подмышка, которая никогда не видела солнца.

После первых нескольких снимков Хиллер подходит к нашей скамье. Он говорит нам шепотом, что следующий слайд особенно страшный и что, возможно, нам лучше его не видеть.

На нем шея Джейн после того, как сняли чулок, – шепчет он. – *Борозда довольно глубокая*.

Моя мать повторяет его слова деду, который сидит справа от нее и слышит недостаточно хорошо, чтобы разобрать шепот Хиллера.

Он говорит, что, возможно, нам лучше не видеть следующий слайд, – говорит моя мать ему на ухо. – *Борозда довольно глубокая*.

А? – переспрашивает дед. – *Что?*

ВОЗМОЖНО, ТЕБЕ ЛУЧШЕ НЕ СМОТРЕТЬ, – повторяет она театральным шепотом, опуская голову.

Наклоняясь к коленям, она шепчет мне: *Скажи, если мне стоит взглянуть*.

Когда моя мать пригибается, я оказываюсь у всех на виду, как последняя птичка на проволоке. Я сижу, тупо уставившись на экран в ожидании смены слайда, понимая, что могу контролировать поток входящей информации не более чем антенна.

И все-таки я придумываю маленькие хитрости. Каждый раз, когда изображение появляется на экране, я бросаю на него короткий взгляд, быстро моргая, как затвор фотоаппарата. Затем я смотрю на него подольше, понемногу увеличивая «выдержку» до тех пор, пока не смогу не закрывать глаза. Я знаю, что снимок задержится на экране на какое-то время, пока стороны и свидетели не скажут всё, что должно быть сказано. Так что спешки нет. Можно медленно приспособливаться. И вот что важно: ты действительно приспособливаешься.

Ну? – шепчет моя мать, всё еще пряча голову в колени.

Не так уж плохо, – шепчу я в ответ. – *Но вполне можно и не смотреть.*

Когда в конце дня мы друг за дружкой шагаем к выходу, дед хлопает мою мать и меня по спине и уверенно говорит: *Что ж, мы не пострадали.*

Понятия не имею, о чем он говорит.

Говори за себя, – хочется сказать мне.

Или: *Это ты сейчас так думаешь, но погоди немного.*

Или: *Что ты имеешь в виду «не пострадали»? Что для тебя «пострадать»?*

Я поддерживаю его за локоть, пока мы спускаемся по лестнице, а другой рукой он держится за перила. Внизу он обнимает меня и говорит: *Ты же знаешь, ты всегда будешь моей Джейни.*

Боже, дедушка, – хочу сказать я. – *Ты видел, как выглядела твоя Джейни на том экране? Выглядела она не очень.*

Но я только киваю, автоматические двери распахиваются перед нами и выплевывают нас обратно в душливую летнюю жару.

Телеканал Court TV позже сообщил:

ВЫЦВЕТШИЕ ФОТОСНИМКИ ЗАМЕЛЬКАЛИ НА БОЛЬШОМ ЭКРАНЕ, И ПРИСЯЖНЫЕ ПОМРАЧНЕЛИ. НЕКОТОРЫЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ СМОТРЕЛИ НА РОДСТВЕННИКОВ ПОГИБШЕЙ, СИДЕВШИХ В ПЕРВОМ РЯДУ. ТРИЖДЫ ХИЛЛЕР ПОДХОДИЛ К СЕМЬЕ С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ, ЧТО СЕЙЧАС БУДУТ ПОКАЗАНЫ СТРАШНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, НО КАЖДЫЙ РАЗ ДЭН МИКСЕР, ДЕВЯНОСТОЛЕТНИЙ ОТЕЦ ПОГИБШЕЙ, ОТВЕЧАЛ: «Я ОСТАЮСЬ».

Тело Джейн было обнаружено 21 марта 1969 года молодой домохозяйкой по имени Нэнси Гроу. Я много раз читала об этой женщине и ее находке – например, в «Мичиганских убийствах» она выведена под именем Пенни Стоу. Я написала о ней стихотворение для «Джейн». Я никогда не думала, что встречу ее во плоти.

Теперь ей было за шестьдесят. Похожая на птицу, чопорная, напряженная до предела, Гроу появилась на январских слушаниях, чтобы рассказать, как нашла тело Джейн три с лишним десятка лет назад. Непохоже, чтобы ей хотелось это делать. Тем не менее она вежливо описала, как ее сын принес домой испачканную кровью сумку, которую он нашел по дороге к остановке школьного автобуса. Она велела ему не путаться под ногами, а сама отправилась осмотреть улицу. Она дошла до кладбища Дентон, остановилась у проволочного забора и оцепенела от ужаса. Она не помнит, как долго стояла там, вперившись взглядом в тело Джейн. В голове у нее крутилось: *Может, это кукла, может, это кукла.* В какой-то момент она зашла на территорию кладбища и прошла несколько метров вдоль забора, чтобы приглядеться. Затем, в одной ночной рубашке и домашних туфлях, она побежала к машине и поехала к сестре, которая жила в нескольких кварталах. Едва добравшись, она истошно закричала.

Сначала Гроу утверждала, что не запомнила каких-либо особых примет Джейн, но позже, к своему удивлению, сумела узнать лицо Джейн на фотографиях в альбоме выпускников. *Ее лицо врезалось мне в память*, – говорит она.

Гроу признает, что не рассказывала полиции о том, что заходила за забор на кладбище. На вопрос «Почему?» она отвечает, что ей было слишком стыдно. Она не знает почему, но ей было стыдно.

Когда я вижу эту тихую травмированную женщину, которая старается не смотреть на мою семью и вместо этого разглядывает свои руки на протяжении всего допроса, мне тоже становится стыдно.

Гроу было стыдно за то, что она подошла поближе, чтобы приглядеться. Возможно, сейчас ей стыдно потому, что может казаться трудным и неуместным говорить о страданиях незнакомой девушки в присутствии тех, кто знал и любил ее.

Мне знакомы эти чувства. Я ведь тоже приглядывалась какое-то время. И хотя мы с Джейн связаны кровными узами, она для меня такой же чужой человек, как и для Гроу. История ее смерти, возможно, повлияла на обе наши жизни и свела нас вместе в одном зале, но это не значит, что хотя бы одна из нас чувствует себя вправе ее рассказывать.

Стыд Гроу на январских слушаниях выделит ее среди всех прочих участников июльского суда. Больше никому, по-видимому, не будет стыдно ни капли: ни медицинскому эксперту, который сопоставляет показания термометра в прямой кишке Джейн на месте преступления и в ее печени во время вскрытия; ни австралийскому писателю-криминалисту средних лет, который каждый день сидит на скамье перед нами, делая заметки для книги; ни зачуханному журналисту из местной газеты, который прячется в кабинке в женском туалете, чтобы подслушать наш с матерью разговор; ни операторам, снимающим, как мы входим в здание суда и выходим из него день за днем, по утрам помятые ото сна, по вечерам осунувшиеся и заплаканные; ни продюсерам телепрограммы «48 часов», которые и в хвост и в гриву будут использовать фотографии с места преступления и которые планировали использовать также и фотографии со вскрытия, пока Хиллер не вмешался и не сказал категорическое нет; ни корреспондентам Court TV, которые покажут фотографии со вскрытия в своей онлайн-трансляции и оставят их в открытом доступе.

Возможно, я чувствую тот стыд, который, как я думаю, должен чувствовать кто-то другой.

Или, возможно, дело в том, что пока шел процесс над Лейтерманом, я сама день за днем сидела в зале суда с желтым блокнотом на кольцах и ручкой, конспектируя все кровавые подробности, ничем не лучше других. Эти подробности я заново собираю здесь – прямая трансляция, которой я не могу найти объяснения или оправдания и, возможно, не смогу никогда.

Но, как я сказала матери после ее падения на кухне, некоторые вещи стоят того, чтобы о них рассказать, просто потому, что они произошли.

Красные части

В течение нескольких лет после смерти отца я часто оказывалась в одиночестве или в одиночестве с матерью. *Между нами, девочками*, – приговаривала она. Эмили уехала в интернат, когда ей было тринадцать, а мне – одиннадцать. С этим отъездом в ее жизни началась череда приключений и заточений, и домой она больше не возвращалась. У матери был новый муж, но его присутствие ощущалось чужеродным, мерцающим. Он появлялся за ужином от случая к случаю, с потемневшими от краски и масла руками. Он был маляр и плотник, на несколько лет младше ее. Когда-то давно отец нанял его красить наш дом в Сан-Рафаэле – единственный дом, где я жила с обоими родителями. Мой отец был юристом и часто ездил в командировки, мать была неудовлетворенной жизнью домохозяйкой с двумя детьми. Она влюбилась в маляра, когда мне было семь, развелась с отцом, когда мне было восемь, и вышла за маляра, когда мне было девять.

После развода мы с Эмили около полутора лет мыкались по разнообразным квартирам и домам наших родителей – это называлось совместной опекой. Всё изменил телефонный звонок ранним вечером 28 января 1984 года. В тот день отец должен был встретиться со своей подругой, но не пришел. Подруга позвонила моей матери, сказала, что беспокоится, что на него это не похоже, что здесь что-то не так. В то время мои родители жили всего в нескольких милях друг от друга в городке под названием Милл-Вэлли. Они были по-прежнему близки – отец даже вел себя так, будто однажды этот морок безумия схлынет и они снова сойдутся как ни в чем не бывало. Мать сказала его подруге, что заедет к нему, чтобы убедиться, что всё в порядке. Мы с Эмили тоже поехали.

Хотя у нас и не было причин всерьез подозревать неладное, в дороге нас одолели дурные предчувствия. То ли я, то ли Эмили (не помню) попросила мать выключить радио – его маниакальное чириканье звучало совсем неуместно. Сворачивая к дому, мать заметила, что на дорожке лежало несколько газет и что почтовый ящик был полон.

Мы вместе зашли в дом, но в его спальню мать спустилась одна. Через минуту она вернулась и гаркнула, чтобы духу нашего здесь не было, быстро.

Мы с Эмили посидели немного на обочине, глядя, как мать носится из комнаты в комнату с криком: *Не смейте входить, пока я не убедилась, что ничего не указывает на грязную игру. Мне нужно убедиться, что ничего не указывает на грязную игру.*

Мне было десять, и я не знала, что такое *грязная игра*. Я знала, что так называется фильм с Голди Хоун и Чевии Чейзом, который мы с отцом недавно посмотрели по телевизору, но тот фильм был комедией.

Где у твоего отца лежит чертов телефонный справочник, – ревели она, суматошно хлопая дверцами шкафчиков, забыв от потрясения, что главное, что нужно было сделать, – это набрать 911.

Около получаса на темнеющей улице не было никого, кроме нас с Эмили да подростка, который катался на скейте по кварталу туда-сюда, озадаченно наблюдая за сценой, что разворачивалась на его глазах, пока сумерки уступали место ночи. Когда наконец приехали полиция и скорая, он с треском укатил прочь.

Мы с Эмили проследовали за бригадой скорой помощи в дом. Я угнездилась в щели между винным стеллажом и диваном в отцовской гостиной. Не знаю, куда пошла Эмили. Сидя в щели, я никому не мешала и могла видеть, что происходит. Сначала я смотрела, как медики с носилками бросились вниз по лестнице в спальню отца. Потом я смотрела на лестницу. Прошло, как мне казалось, довольно много времени, прежде чем они снова показались в пролете. Они уже никуда не спешили, а носилки были так же пусты и белы, как и на пути туда.

Тогда я и поняла, что он умер, хотя и не знала, как и почему, и долго не могла в это поверить.

Мать сказала нам позже, что обнаружила его лежащим поперек кровати, как будто он сел, поставил ноги на пол, а потом завалился назад. Он был уже холодным.

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов мы поехали обратно в дом матери и отчима. Там мать стала шарить по шкафам в поисках настольной игры, в которую мы могли бы сыграть. Она сказала, что они с семьей играли в настольную игру вечером после смерти Джейн, и им стало от этого легче.

Не помню, чтобы мы играли в игру, и не помню, чтобы мне стало от этого легче.

Но я помню, как Эмили поклялась мне перед сном, что не прольет и слезинки по отцу, в котором она души не чаяла. Я тоже поклялась. Помню, что ее идея показалась мне тогда не слишком хорошей.

После той ночи мы с Эмили переехали к матери и ее мужу «на полную ставку». Дом, который они недавно купили, стоял так высоко на холме, в таком густом лесу, что теперь он видится мне во сне мрачной, заросшей плющом крепостью. Он был вечно сырым и заплесневелым, вечно окутанным туманом. Не раз бывало, что мы с матерью целый день ходили по дому вслед за единственным солнечным лучом, чтобы посидеть в его свете, а потом целый вечер нависали над обогревателем, плечо к плечу, с книгами в руках, а наша одежда надувалась от потока теплого воздуха.

Около года мы с Эмили делили подвал этого дома, где у каждой из нас была своя комната. Пока отчим не сделал ремонт, подвал хранил хиппарское наследие The Doobie Brothers и Сантаны, которые, как говорят, жили здесь до нас: шторы из деревянных бусин в дверных проемах, звукопоглощающие панели от пола до потолка. Мне пришлось побороться за оставшийся от предыдущих жильцов водяной матрас – нелепую колышающуюся махину, которая служила мне кроватью до самого отъезда.

Вскоре после того, как мы вселились «на полную ставку», наш дом ограбили, и атмосфера неизбежной опасности с тех пор его не покидала. Грабители заявили ранним вечером; в это время мы с Эмили должны были быть дома одни, но в тот день задержались в школе. Отчим же, напротив, вернулся с работы раньше и сумел рассмотреть чувака в машине, припаркованной у подножия нашего длинного и невозможно крутого подъезда. Другого мужика, который орал со второго этажа: *У меня пушка, вали отсюда*, – он не видел. В конце концов отчим дал свидетельские показания против того водила в суде, а несколько месяцев спустя, к своей вящей ярости, узнал его в человеке за соседним столиком итальянского ресторана на нашей улице.

С тех пор, возвращаясь в пустой дом в одиночестве, я каждый раз медленно поднималась по зигзагообразному подъезду с нарастающим чувством ужаса. Добравшись до верха, я открывала дверь запасным ключом, который висел на гвозде, вбитом сзади в деревянную опору, а затем быстро, но тщательно обыскивала дом на предмет незваных гостей и трупов. Ритуал был таков: я вооружалась разделочным ножом и, убедившись, что в шкафах, под кроватями и в ваннных комнатах никого нет, садилась за домашнее задание. Я часто разговаривала с невидимым чужаком вслух, сообщая ему, что он разоблачен, что я знаю, что он здесь, и не боюсь его, нисколько.

Однажды за ужином в ресторане во время суда над Лейтерманом моя мать говорит мимоходом, что никогда не любила пешие прогулки по лесу, потому что боится наткнуться на труп. Сперва я думаю, что она совсем спятила. Потом вспоминаю свой ритуал с ножом. Потом мысленно переношусь в то время, когда я работала в баре в Ист-Виллидже, на границе с Бауэри, и вспоминаю, как терялась всякий раз, когда дверь туалета долгое время не открывалась и раздраженный клиент, которому приспичило, просил меня разобраться с этим. Непременно

громко постучавшись с криками *Эй, здесь кто-то есть?*, я вскрывала замок и быстро распахивала дверь в полной готовности увидеть труп, обмякший на унитазе.

В девяноста пяти случаях из ста дверь заедало изнутри и в уборной никого не было – просто крошечная каморка в свете лампочки, обернутой сиреневым целлофаном (в таком свете всё выглядело модным, а еще невозможно было найти вену). Но в оставшихся пяти случаях там было тело – кого-то, кто передознул или вырубился. Я знала, что по крайней мере один человек умер в этом туалете от передозировки героином, и, хотя я в ту ночь не работала, этого случая было достаточно, чтобы всё ощущалось как русская рулетка. Я до смерти боялась вламываться в туалет все пять лет, что работала в этом баре.

Мне до сих пор снится эта тускло-сиреневая уборная. Буквально позавчера какая-то женщина порезала себе в ней вены. Как сотрудники бара, мы вроде как должны были позаботиться о ней, проследить, чтобы она не напилась до потери сознания, ничем не бахнулась и не навредила себе. Но мы облажались и не заметили, как у нее в руках оказалось бритвенное лезвие: она заперлась в тесной уборной, чтобы умереть. Полом в туалете служила металлическая решетка, под которой кипело расплавленное ядро планеты. Она растянулась на решетке, и ее кровь стекла к центру мира, напитывая крошечный тартар. Не иначе как из вежливости она успела заткнуть ватой дыры в кирпичной стене. Когда мы вытащили вату, реки ее крови затопили бар.

Злая ирония судьбы заключалась в том, что моя квартира в Нижнем Ист-Сайде была той еще дырой. Возвращаясь с работы поздно ночью, я проверяла, нет ли в комнате моего соседа каких-нибудь девиц под кайфом или на отходах, чьи сигареты могли бы прожечь обивку мебели, и только потом ложилась спать. Не раз я вытирала странную белую жижу, пенящуюся в уголках его бесчувственного рта. Поскольку я не употребляла, то не особо разбиралась, что нужно делать, – я только вытирала пену, тушила бычки, убеждалась, что у всех есть пульс, и отправлялась спать.

По правде говоря, моя кровать тоже была той еще дырой. Несколько раз я обнаруживала в ней тело моего парня-торчка, перебравшего с дозой. В последний раз, позвонив 911 и доставив его в больницу Святого Винсента, я осознала – ну неужели! – что, пожалуй, беру на себя слишком много. Я вышла из приемного покоя в дождь и позвонила матери из телефонной будки. Мне было до смерти стыдно, но я не знала, что еще делать. Я ничего не рассказала ей о ситуации, не рассказала о том, что не раз и не два находила его серо-синее, будто покойника, тело в своей постели, не рассказала о тех ночах в ванной комнате, когда он протягивал мне, страдающей от алкогольной крапивницы и гипервентиляции легких, мизинец с порошком на кончике ногтя, приговаривая: *Тебе хватит, ты ведь такая крошка.*

Очнувшись в машине скорой помощи, он прощамкал: *Кажется, я покалечил себе язык,* – слова прозвучали так, как будто у него во рту был кусок пенопласта.

Я вышла из больницы, – сказала я в телефонную трубку. – *Тут льет как из ведра. Думаю, надо как-то отсюда выбираться.*

Она помолчала, а потом сказала: *Ну, а что бы сделал Иисус?*

Она не шутила. Она вообще-то не религиозна. Наверное, она недавно что-то такое прочитала.

Иисус бы не отступился, – сказала она. – *Постарайся потерпеть.*

Он точно не выживет в этот раз, – ответила я.

Тем более.

Я была полной дурой тогда, но всё же не настолько, чтобы не соображать, хотя бы отчасти, что делаю. Когда врачи прикрепили электроды ему на грудь, стабилизировали сердечный ритм и объявили: *Он поправится,* – я почувствовала громадную волну облегчения и прилив гордости. Десять лет ничего не значили. Я перенеслась в ночь, когда умер мой отец, но на этот раз я успела вовремя, я была взрослой и обладала нужными навыками, чтобы всё исправить.

Но, «всё исправив», я не вернула отца. Я только подписала документы на выписку отпеготого торчка, который поплелся за мной домой, как безмозглый щенок, а посреди ночи признался в интрижке с одной тупорылой марафетчицей и свалил за дозой на заправку на углу Хаустон и авеню Си.

Следующий день я провела не вставая с кровати. Я представляла, что я из тех больных детей, чьи кости могут рассыпаться на миллион кусочков от резкого движения или прикосновения. Что я больна, как «мальчик-в-пузыре»⁷. Я прихватила среднего размера бутылку «Джим Бима» и отпивала из нее, лежа под одеялом с книгой «Человек не остров» Томаса Мертона.

**БЕЗ БОГА МЫ ПЕРЕСТАЕМ БЫТЬ ЛЮДЬМИ. МЫ ПЕРЕНОСИМ
БОЛЬ КАК БЕССЛОВЕСНЫЕ ЖИВОТНЫЕ – И СЧАСТЛИВЫ, ЕСЛИ
МОЖЕМ УМЕРЕТЬ БЕЗ ЛИШНЕГО ШУМА.**

Впервые в жизни мысль о Христе меня парализовала. Я протянула к себе в гнездо из одеял телефон и позвонила одной старой преподавательнице, известной своим религиозным фанатизмом. *Христианка-интеллектуалка*, – говорила она о себе. Я сказала, что недавно видела ее статью о Евангелии от Луки, но не помню где, и не могла бы она прислать ее мне или хотя бы пересказать.

Может, просто самостоятельно прочитаете красные части? – ответила она вопросом. *Хорошо*, – сказала я, опуская трубку на рычаг. – *Так и сделаю.*

Я понятия не имела, что она хотела этим сказать. Я чувствовала себя глупо, но все, кого я потом спрашивала, тоже не знали. На одной из лекций в аспирантуре я даже спросила об этом профессора «текстуальных исследований», но он лишь пожал плечами. Тогда я представила себе тело, распоротое от подбородка до гениталий, чьи внутренние органы предлагалось перебирать и читать, как чайнки.

Несколько дней спустя я впервые оказалась свидетельницей убийства. Я проснулась в пять утра от топота бегущих ног и скрипа тормозов. Выглянув в окно, я увидела, как три китайских гангстера дубасят того, кто пытался от них убежать, бейсбольными битами по голове. Потом они прыгнули в машину и укатили. Они конкретно его отдубасили. Минуту спустя на улицу с криками выбежала пожилая китайка в ночной рубашке, и тонкие пластиковые подошвы ее тапочек с гулким эхом шлепали по брусчатке. Всё это произошло в розоватом утреннем свете, свете, который перед восходом солнца заливает почерневшие доходные дома до самой Ист-Ривер. Женщина опустила на колени перед трупом, который лежал в сточной канаве в какой-то странной позе, и прижала его к груди. Кровь всё текла и текла у него из головы. Я позвонила 911. *Нападавшие были черными или латинос?* – спросили меня. *Ни теми, ни другими*, – ответила я и представляться не стала. К восьми утра на Орчард-стрит начали открываться магазины, люди наступали на ржавое пятно на тротуаре, не замечая его, не догадываясь, что здесь что-то случилось. К середине дня пятно исчезло.

*Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего*⁸. Красная часть.

⁷ Дэвид Веттер (1971–1984) – мальчик с тяжелой формой иммунодефицита, из-за которой он был вынужден жить в стерильном пластиковом пузыре.

⁸ Откровение Иоанна 1:19.

Приложение

Когда «Джейн» уходила в печать зимой 2004 года, я подумывала написать приложение, в котором приводились бы последние сводки расследования. Шрёдер в шутку предложил мне это, когда мы впервые говорили по телефону. Моя мать рассказала ему о готовящейся книге, и, хотя он был заинтригован, он хотел убедиться, что я ничего не скажу о ней публично до того, как Лейтермана арестуют. Я заверила его, что книга появится не раньше, чем через несколько месяцев, и что у поэзии не очень-то широкая аудитория.

И всё же, – сказал он, – лучше готовьтесь к тому, чтобы написать приложение. Приложение, которое всё объясняет.

12 ноября 2004 года я села за письменный стол в Комнате Раздумий, достала лист бумаги и написала наверху страницы:

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПРИЛОЖЕНИЯ, КОТОРОЕ ВСЁ ОБЪЯСНЯЕТ

Приложение приняло форму списка:

1. В 2001 году, примерно тогда же, когда я начала писать эту книгу, коробка с вещественными доказательствами, относящимися к убийству Джейн, была изъята из ячейки для хранения и отправлена в криминологическую лабораторию штата в Лэнсинге, Мичиган для генетического анализа. Я ничего об этом не знала.

2. Большая часть генетических следов на предметах из коробки – например, большое пятно крови на белом в желтую полоску полотенце, которое нашли на месте преступления, – предположительно, принадлежала самой Джейн. Но на некоторые из них попала чужая ДНК, в основном в форме клеточных отложений, обнаруженных в нескольких местах на колготках Джейн.

3. Эти клеточные отложения происходили не из крови, спермы, мочи или фекалий. Их источник невозможно было установить – сейчас аналитик лаборатории предполагает, что это может быть пот. Откуда бы они ни происходили, аналитик говорит, что их там полно. «Золотая жила».

4. 7 июля 2004 года КОДИС – Объединенная система данных ДНК, компьютерная база данных ФБР, которая сравнивает образцы ДНК осужденных преступников с доказательственным материалом, который поставляют лаборатории со всей страны, – уведомила Лэнсинг, что чужие клетки ДНК с участков № 1–3 на колготках Джейн совпали с ДНК человека по имени Гэри Эрл Лейтерман.

5. Гэри Эрл Лейтерман – медбрат на пенсии, много лет женат, живет со своей женой Солли в доме на берегу озера в поселке Пайн-Гроув близ Гоблса, Мичиган. У него и Солли двое взрослых приемных детей, оба филиппинского происхождения, их биологическая мать – сестра Солли.

6. ДНК Лейтермана попало в КОДИС, когда в 2001 году он был осужден за подделку рецептов на наркотические препараты. Его поймали на использовании пустых рецептурных бланков медицинского центра Борджес, где он проработал много лет, для покупки обезболивающего «Викодин» в местной аптеке. Суд отправил его в реабилитационный центр для наркозависимых. Больше судим он не был.

7. Если на минуточку закрыть глаза на множество факторов, которые могут усложнить статистический анализ, шансы, что «золотая жила» генетического материала на колготках Джейн могла принадлежать кому-то, кроме Лейтермана, составляют что-то около 171,1 триллионов к одному.

На этом список мог бы и закончиться и, возможно, что-то объяснить. Но он продолжился:

8. 9 декабря 2003 года, примерно за восемь месяцев до того, как пришли результаты генетического анализа, указавшие на Лейтермана, КОДИС выдал еще одно имя по тому же делу – Джона Дэвида Руэласа.

9. ДНК Руэласа взялась не с колготок Джейн, а из аккуратной капельки крови, которую обнаружили на тыльной стороне ладони Джейн в 1969 году. Капелька особо приметилась одному из копов, поскольку не была размазана, в отличие от остальной крови на ее теле. В ходе вскрытия судмедэксперт скovyрнул эту капельку и поместил ее в плотный конверт, где она провела следующие тридцать с чем-то лет.

10. Как только обнаружилось совпадение ДНК, полиция отправилась на поиски Руэласа. Им оказался тридцатисемилетний заключенный, получивший от двадцати до сорока лет тюрьмы за то, что до смерти избил свою мать, Маргарет Руэлас, 25 января 2002 года.

11. Руэлас, по-видимому, избивал свою мать много лет; последнее нападение стоило ей одиннадцати сломанных ребер, «отбитого до синевы» лица и жизни.

12. 20 марта 1969 года, в ночь убийства Джейн, Джону Дэвиду Руэласу было четыре года.

13. Из тюрьмы Руэлас сообщает полиции, что что-то знает об убийстве Джейн, но готов рассказать, только если они будут ходатайствовать, чтобы ему скостили срок. Но поскольку Руэласу на момент преступления было всего четыре, а теперь не терпелось выйти пораньше, никто не верит ни единому его слову. Что касается тех, кто занимался его воспитанием в 1969 году, то его мать (очевидно) мертва, да и отец, Дэвид Руэлас, был убит когда-то в семидесятых. Его забили насмерть молотком, завернули в политый бензином ковер, подожгли и зашвырнули в мусорный контейнер. Это дело также остается нераскрытым.

14. По телефону детективы признают, что совпадение образца ДНК с ДНК Джона Руэласа не лезет ни в какие ворота. Но наука есть наука, и у них нет выбора, кроме как посчитать, что маленький мальчик каким-то образом «соприкоснулся» с телом Джейн в ночь ее убийства. В 1969 году семья Руэласов жила в центре Детройта – примерно в тридцати пяти милях от кладбища Дентон, то есть, прямо скажем, не за углом (Лейтерман, в свою очередь, жил неподалеку). Но детективы говорят, что мысль о том, что «маленький Джонни» может быть каким-то образом причастен к убийству Джейн, не так невероятна, как кажется на первый взгляд, учитывая «обстановку в его семье». Подробностей они не сообщают, разве что говорят, что у Джонни в детстве частенько шла носом кровь.

Перечитывая этот список, я понимаю, что не могу включить его в «Джейн». Вообще-то я едва ли смогу показать его друзьям, не говоря уже о чужих людях. Ясно, что для разговора за бокальчиком он не годится. Кроме того, он не объясняет практически ничего.

Каких бы чудовищ ни рождал мой заскок на убийстве, я и представить себе не могла сценарий с участием ребенка. Но теперь я мерила шагами Комнату Раздумий поздней ночью в халате, а мысли мои холодно вращались вокруг пугающего вопроса, как четырехлетний мальчик мог «соприкоснуться» с телом Джейн. Точнее, как капля его крови могла оказаться на тыльной стороне ее ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.